

Лиза Листова — самый стильный репортер парфеновских "Намедни" и вообще всего старого НТВ. Сейчас крайне редко выходит со своей документалкой "Советская империя" на канале "Россия". Кроме того, Лиза не слишком давно вышла замуж за лучшего (в прошлом) журналиста того же НТВ Евгения Ревенко, ныне возглавляющего пресс-службу Правительства РФ. Ну и, само собой, у молодых растет потомство. Дочка Вера.

Елизавета ЛИСТОВА

Я ЭФИРНОЕ СОЗДАНИЕ

Москва, Коммунальный, 2006-2007 гг. - с. 12.

— Ну расскажи про ребенка!

— Девочку зовут Вера, ей год и 2 месяца. Говорит: мама, папа, баба, няня, дядя и ба-бах. Мы с ней и книжки читаем, и в игрушки играем, и разговоры разговариваем. Я стараюсь не делать скидку на возраст, тем более что если она и говорит мало, то это не значит, что понимает столько же.

— В Японии и Израиле детям до определенного возраста разрешается абсолютно все.

— Если начинать все позволять, то как потом объяснить, что с сегодняшнего дня уже нельзя?.. Пока притязания маленькой Веры невелики: мобильные телефоны родителей и телепульт.

— Ну и как, Вера тебя обнаруживает в эфире с помощью пульта?

— Обычно в это время она уже спит. И врачи говорят, что до двух лет не стоит детям смотреть телевизор, поскольку это очень здорово травмирует глаза.

— Твоя документалка идет раз в 4 месяца. Непорядок.

— Документальное кино вообще быстро не делается. К тому же взятые мною темы не очень-то хорошо разработаны, хотя и лежат на поверхности. Почти нет готовых исследований, книг, которые взял — и кино готово. Необходимо копаться в архивах,

Евгений Ревенко. Муж.

иногда даже изучать СНиПы (строительные нормы и правила), где вообще одна цифирь. И вот из такого "сора" растить поэзию.

— Телевидение — несправедливо. Непонятно кого показывают каждый день. А тебя уже забывают.

— Слава богу, забота о звонкости собственного имени для меня не является заботой номер один. Я, конечно, эфирное создание, то есть гложет тоска по адреналину прямого эфира, но она не определяет мою жизнь. Есть такой сорт людей, которые каждый день должны испытывать эту стрессовую нагрузку, и тогда они живут нормально, как глубоководная рыба. И когда они остаются без этого эфира, начинают всякие неприятности, в том числе и со здоровьем. Не мой случай, к счастью.

— Понимаю, приспособиться — то можно к любой ситуации.

— Не то что я приспосабливаюсь, мне даже так уютно. Часто предложение делать документальное кино — коварно. И Парфенов, и Сорокина, и Осокин — всем им предлагали делать документальное кино. Но не создали условия. А мне повезло. У меня есть условия, я ими дорожу, делаю кино и получаю от этого удовольствие.

— Скажу вам со всей прямотой, ваше величество, вы — гений.

— Спасибо, меня предупредили.

— Да ладно, это я Шварца цитирую. Но непонятно, почему такой талант зарывается в нашу архитектуру раз в 4 месяца. Я протестую.

— Чаще я сама не успеваю... И ты недооцениваешь нашу архитектуру, особенно сейчас — когда она стремительно исчезает. Я в отчаянии от того, что город, в котором я выросла, тает на глазах. Вот я лазила по тем же крышам и прыгала в те же сугробы, что моя мама. А дочка уже не могу взять за руку, повести и показать эти домики, закоулки и сказать: "Посмотри, Верочка, здесь выросла твоя мама". На их месте стоят бизнес-центры.

— Слушай, а давай мы тебя поставим на "Вести". Ты же вела "Новости" на ТВС.

На съемках программы "Советская империя". Мамаев курган.

97-го года, когда я пришла работать из "Намедни" в информацию.

— Когда случилась светлая дата свадьбы?

— Почти два года назад. Дело в том, что формальности не являются главным в моей жизни. Уж не загсу знать всю правду о наших отношениях.

— Ну и как тебе семейная жизнь?

— Замечательно! Как во сне.

— И никаких сложностей?

— Сложности поступают извне. Просто, как ты знаешь, у нас было много перемен. А поскольку профессия, работа играют в нашей жизни важную роль, если не определяющую, то мы оказались друг другу хорошей поддержкой. После закрытия ТВС и моего прихода на "Россию" некоторые очень дорогие, важные для меня люди вскинули бровь и даже сопроводили комментариями мой поступок. В общем, было тяжело.

— Получается, что кризис в твоей с Женей работе совпал с началом вашего романа. То есть вы прибились друг к другу, как два терпящих бедствие корабля?

— Нет, это не то что два инвалида объединились, чтобы помочь друг другу. Не надо забывать, что мы очень долгое время были друзьями и остаемся ими и сейчас. Я считаю, что это в принципе главное, что должно быть между самыми близкими людьми.

— То есть у вас брак по расчету, в смысле, по разуму?

— Никакого расчета. Наши отношения просто устойчивые и солидные. И брак наш стоит как сталинская высотка. Уж извините.

— Ну а какая ты жена, скажи мне.

— Мне это слово ненавистно. Как и слово "муж". Это у меня с детства.

— А как тебя называть — подруга жизни?

— Не знаю. Мне кажется, в каждой семье это должно звучать по-своему. А еще мне не нравится слово "пицца", самое неаппетитное в русском языке.

— С твоей тонкостью Жене с тобой жить непросто.

— Это точно. Я готова поставить памятник его терпению и спокойствию.

— Ну а что с Женей случилось? По-моему, если человек был лучшим репортером страны, а стал чиновником — это фигово.

— С какой стороны посмотреть. Главное, сейчас ему интересно. Он изучает механизмы работы государственного аппарата, которые познать можно, только находясь внутри системы. Я уважаю его за то, что он, уже сложившийся журналист, решил заняться чем-то другим.

— Ну а тебя если бы позвали переключаться бумажки, ты бы пошла?

— Если бумажки, то, может, и пошла когда-нибудь. Но бумажки Жене некогда переключаться. Количество его командировок сопоставимо с графиком телерепортера, и уходит он на работу рано утром, возвращается поздно вечером. Много ограничений, много нюансов, много людей в подчинении, а я и тремя людьми управлять не смогу. Нет, это не ко мне. А Женей я горжусь.

Александр МЕЛЬМАН.

ОЛЕГ ЧЕРНЮС

ЕЛЕНА КАЛИБЕРДА